

конкретной исторической, этнической, географической или иной информацией. Иногда эта информация проста и легко понятна, но в большинстве случаев требуется сложная и кропотливая работа для ее расшифровки. Однако нередко содержание, смысловое значение имени остается за «семью замками».

Думается, что сборник «Имя и этнос» привлечет внимание читателей и займет достойное место в изучении этнической ономастики.

Примечание

¹ Из работ, опубликованных за последние годы Группой ономастики или при ее активном участии, можно отметить: «Имя-этнос-история» (М., 1989, 200 с.); «Ономастика Поволжья (Материалы Шестой конференции по ономастике Поволжья)», ч. I (М., 1991, 199 с.), ч. II (М., 1992, 193 с.); *Никонов В.А.* Словарь русских фамилий. М., 1993, 222 с.

Э.М. Мурзаев

© 1998 г., ЭО, № 1

Н.А. Лопуленко, Т.Б. Уварова

РУССКИЕ В НОВОМ ЗАРУБЕЖЬЕ

(обзор по материалам серии «Исследования по прикладной и неотложной этнологии»* за 1991–1996 гг.)

Актуальной задачей прикладных исследований с 1991 г. стало изучение проблем русского населения в бывших союзных республиках. Политические события начала 1990-х годов в СССР привели к тому, что 145 млн. русских, считавших себя гражданами единого государства, имевших одинаковые права, свободно перемещавшихся в пределах страны, вдруг оказались жителями 15 независимых государств, разделенных государственными границами. Изменения в политической ситуации вызвали существенный отток русских из бывших союзных республик, поскольку их положение сильно осложнилось и в политическом, и в экономическом, и в социальном аспектах. Для того чтобы остаться в республике, нужно было либо приспособляться к предложенным условиям, либо отстаивать свои права в политической борьбе.

Вопрос о положении русских и других национальных меньшинств в той или иной форме возник с начала 1990-х годов во всех новых государствах, но степень остроты его в каждом из них была различна. Тем не менее, можно выделить два основных подхода в решении национального вопроса в тот период. В первом случае многонациональность в новых самостоятельных странах воспринималась их руководством и титульным народом как негативное явление, наследие советской системы, и правительство с помощью законов, ограничивавших гражданские права русскоязычных жителей, пыталось вытеснить их из страны. Такая тактика нарушала права человека, создавала обстановку нестабильности. Подобный подход использовался, например, в Молдавии, Латвии, Эстонии, в некоторых государствах Закавказья и Средней Азии. Во втором случае проблемы национальной жизни решались, исходя из реальности. Морально-политический климат в таких государствах был значительно мягче и спокойнее, чем там, где наблюдалась дискриминация. К таким государствам относится Белоруссия.

Одной из первых на заявленную в заглавии тему в серии «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» стала статья В.К. Мальковой¹. Переход республик в новое качество – независимые государства – был, по ее мнению, связан с интенсивной пропагандой национальной идеи – идеи возрождения своего народа, давшего название государству. Ее воплощение отражалось не только на психологическом самочувствии русского населения, но и в экономической, политической, культурной, правовой сферах жизни новых стран.

Автор отметила также, что состав русской диаспоры был неоднороден по регионам, различия между русскими, проживавшими в Грузии и Латвии, Эстонии и Узбекистане, были очень существенными. Эти особенности, а также длительность проживания в стране, перспективы на будущее, отношения с местным

* Об этой серии см.: Н.А. Лопуленко, Т.Б. Уварова. Народы Сибири и Крайнего Севера в период преобразования общественно-экономических отношений // ЭО. 1997. № 6.

населением, потребность новых государств в рабочей силе по-разному влияли на отношение к русскому меньшинству новых государственных структур и представителей «титულიной национальности» и соответственно определяли самочувствие русскоязычного населения. Кроме того, оно начало ощущать сильнейшее психологическое давление средств массовой информации (СМИ).

Так, для русскоязычных газет стран Балтии основными моментами в 1991–1992 гг. были: 1) сложное гражданско-правовое положение русских; 2) проблема вывода так называемой «оккупационной» армии СНГ; 3) экономическая блокада со стороны России; 4) территориальные споры с Россией.

В центре внимания русскоязычной прессы Украины также стояли разногласия между Россией и Украиной по многим вопросам, причем важнейшими среди них были экономические. В тяжелом экономическом положении Украины, по мнению местной прессы, виновата была все та же Россия. Идея национальной независимости, делившая граждан одного государства на «своих» и «чужих», создавала пропагандистский образ «плохой» России, что создавало психологический дискомфорт у местных русских, насаждало у них чувство вины.

Самым болезненным для русского населения Молдавии стал вопрос о воссоединении ее с Румынией, создавший нестабильность в сознании и в жизни русскоязычного населения, способствовавший оттоку квалифицированных специалистов. Другой острейший вопрос для русских – вопрос Приднестровья: перемещение границы, «румунизация» населения, а в СМИ – «образ далекой, равнодушной к своим людям России».

Пропаганда, ведущаяся в средствах массовой информации государств Средней Азии и Закавказья, также способствовала, хоть и не столь сильно, вытеснению русскоязычного населения за пределы этих регионов.

Развивая эту тему на примере Латвии и Эстонии, В.А. Тишков подчеркивал, что там этнонационализм стал «не просто средством политической мобилизации и ...доступа к власти», а прежде всего «средством терапии от ...исторической травмы», которую испытали многие советские народы², реакцией на реальные и мифические угрозы со стороны иноэтничного населения, представленного не слабыми меньшинствами, а многочисленными русскими общинами. Суть проблемы русских в Эстонии сведена автором к тому, что «стойкая приверженность доктрине этнонационализма всей постсоветской демократии оттеснила на второй план вопросы обеспечения прав человека и меньшинств, отдав приоритет национальному ...самоопределению»³.

Неблагоприятные для титульного населения Эстонии демографические тенденции подпитывали рост этнического национализма, обостренного идеологизацией проблем «мигрантов» и «апатридов». Положение русских в Эстонии рассмотрено им с разных точек зрения: культурно-адаптивной, статусно-правовой, общественно-политической.

По данным этносоциологического обследования, проведенного в те же годы Институтом этнологии и антропологии РАН, русские в Таллине отмечали негативные изменения, происшедшие в межэтнических отношениях в течение последних лет следующим образом: на уровне политики властей – 64%, в повседневной жизни – 63,2%⁴. На увеличение оттока русских из бывших союзных республик большое влияние оказали как вывод советских войск и отъезд семей военных, так и новые законы, которые ущемляли их права в политической жизни и экономике. И все же готовность уехать из Эстонии у русских была ниже, чем в других государствах СНГ. Более фундаментальные факторы социального характера (образование, занятость, уровень жизни) могли стать, по мнению автора, основой для интеграции русских в эстонское общество.

Проблема гражданства стала центральной в общественно-политической жизни Эстонии. Жители нетитульной национальности разделились на три категории по отношению к гражданству: одни (около 100 тыс.) получили гражданство Эстонии, другие предполагали принять гражданство Российской Федерации или других государств, третьи (большая часть) находились в неопределенном гражданско-правовом положении.

Когда под давлением национал-радикалов демократическое движение в Эстонии этнизировалось, а Закон о языке вызвал у русскоязычного населения опасения за свою судьбу, в его среде активизировалась политическая жизнь. Сначала было создано Интердвижение, затем – Объединенный совет трудовых коллективов, но эти демократические организации не стали массовыми. В 1993 г. возникла Представительная ассамблея русскоязычного населения Эстонии, которая поддерживала отношения как с российскими властями, так и с эстонскими.

Касаясь проблем русских в Белоруссии⁵, важно иметь в виду их этнокультурную близость с титульной нацией. В этой республике с давних пор накапливался положительный опыт межнациональных контактов, создавалась атмосфера национальной и конфессиональной толерантности, хотя часто приходилось решать сложные вопросы взаимодействия православия и католичества, белорусов с русскими, поляками и др. Но всегда эти проблемы решались мирным путем.

Русские составляли 13,2% от общего числа жителей республики, белорусы – около 78%⁶. Численность белорусов постоянно росла, компактность проживания оставалась достаточно высокой, однако их доля в общей численности населения постоянно сокращалась. В области языка сложилась парадоксальная ситуация: несмотря на развитие белорусского языка – усовершенствование его лексики и грамматики и

огромный массив литературы на нем, – многие белорусы предпочитали общаться на русском языке. По данным переписи 1989 г., 85% жителей Белоруссии были двуязычными, из них 79% назвали своим вторым языком русский⁷. К началу 1990-х годов на территории Белоруссии основные общественные функции выполнял русский язык.

В основу государственной национальной политики была положена концепция, согласно которой Республика Беларусь представляет собой многонациональное государство, которое должно обеспечивать интересы всех народов, проживающих на ее территории. Политика в области межнациональных отношений опирается на принципы равенства и недискриминации, положение национальных групп защищено законодательно. Однако всплеск национального возрождения во второй половине 1980-х годов коснулся не только белорусского народа, но и других народов, населяющих республику, в том числе и русских. Об этом свидетельствует образование в 1992 г. культурно-просветительного общества «Русь».

Белоруссия оставалась одним из наиболее благоприятных для проживания русского населения регионов, однако сокращение роли русского языка в разных сферах жизнедеятельности стало для него проблемой. Это явление создало сложности и для коренных жителей республики, широко пользовавшихся русским языком.

Русское население Молдавии⁸, как, впрочем, и других бывших союзных республик, отличалось высокой степенью урбанизированности. Значительная часть его была сосредоточена в столице республики: в 1989 г. 36,1% всех городских русских были жителями Кишинева. В Тирасполе удельный вес русских был существенно выше, достигнув 41,3%, а для молдаван он составлял лишь 17,7%⁹.

Если в конце 1970-х – начале и середине 1980-х годов миграционные связи России и Молдавии определялись отъездом из республики как русского, так и молдавского населения, то с конца 1980-х – начала 1990-х годов миграционный отток русского населения из Молдавии в Россию существенно возрос. За период 1990–1994 гг. чистые миграционные потери русского населения в Молдавии составили примерно 28 тыс. чел., или около 5% численности русских в республике. Эти миграционные потери усугубились начавшейся с 1993 г. естественной убылью русских в республике, сложившейся в результате превышения у них смертности над рождаемостью¹⁰.

Большинство русских было ориентировано на иммиграцию в Россию, на свою этническую Родину, некоторая часть – на эмиграцию за рубеж. По данным опроса русского населения Правобережья Молдавии, 8,3% русских горожан и 4,5% сельских русских, значительную часть которых составляли высококвалифицированные кадры, предпочли бы выезд за границу бывшего Союза¹¹. Эта проблема приобрела особое значение в связи с углубляющимся процессом депопуляции русского населения в самой России. Миграция же русской молодежи в Россию, изменив в какой-то мере в некоторых российских регионах возрастную структуру, могла бы в определенной степени затормозить этот процесс.

Молдавию можно отнести к тем государствам нового зарубежья, политика которых в отношении жителей нетитульной национальности в первые годы государственной независимости была сравнительно жесткой. Согласно законам о языке, о государственной службе, замещение всех руководящих постов и должностей, связанных с общением, обуславливалось обязательным знанием государственного (в данном случае молдавского) языка.

Провозглашение языка титульной национальности единственным государственным языком в республиках и установление коротких сроков перевода на этот язык системы образования и делопроизводства, печати и пр. поставили русских, не владевших им, в сложное положение, особенно в сфере труда и профессиональной подготовки: у них уменьшились шансы на получение образования и профессии на родном языке, появились проблемы при устройстве на работу, наконец, в служебном продвижении для них оказалась более реальной возможность быть уволенными с работы.

В период этносоциологического обследования, проводившегося в 1993 г., русские отмечали, что в республике за последние годы произошли существенные изменения в межнациональных отношениях. Так, об ухудшении отношения к себе на официальном уровне заявили от 84 до 96% русских в разных районах Молдавии¹². Конкретным проявлением негативных изменений стало ощущение ущемления своего национального достоинства, причем русские Правобережья в два раза чаще, чем жители Приднестровья, испытывали подобные чувства. Пессимистично оценивали русские и перспективы развития межнациональных отношений. Однако к 1996 г. в Молдавии наметились некоторые тенденции к улучшению этих отношений. Так, опрос показал, что доля пессимистично оценивающих свое будущее граждан снизилась до 27%, а тех, кто надеялся на его улучшение, стало заметно больше¹³.

Еще одним значимым фактором, влиявшим на миграционное поведение русских, стало принятие закона о гражданстве. В ряде стран ближнего зарубежья он лишил значительную часть русского населения гражданства, а следовательно, и связанных с ним политических и экономических прав. Особенно резко представительство русских уменьшилось в органах государственного управления.

Работники русской национальности относительно, а иногда и абсолютно, преобладали на крупных промышленных производствах, в том числе союзного подчинения, предприятиях военно-промышленного комплекса. Подобная специфика трудовой занятости русских, которая в течение многих лет определяла их особую социально-культурную нишу и известную стабильность положения в Молдавии, в первое время

после распада Союза стала приобретать все больше негативных черт. Тот психологический шок, который испытали русские в конце 1980-х – начале 1990-х годов в связи с резким изменением отношения к ним со стороны людей титульной национальности на всех уровнях, оказался здесь особенно силен, а процесс адаптации к новым условиям жизни более сложен по сравнению с рядом других стран нового зарубежья – например, с государствами Балтии, где русские в недалеком прошлом занимали не такое высокое положение на социальной лестнице.

По итогам Всесоюзной переписи населения 1989 г., в республиках Средней Азии и в Казахстане проживало 9,5 млн. русских, которые составляли – 19,3% всего населения, в том числе в Кыргызстане – 21,5%, Таджикистане – 7,6%, Узбекистане – 8,4%, Казахстане – 37,8%, Туркменистане – 9,5%. В основном это были горожане¹⁴.

Большая часть русских этого региона относилась к старожильческому населению. При советской власти поток мигрантов из России был вызван главным образом ускоренной индустриализацией региона, которая осуществлялась в основном силами приезжих специалистов. Прирост численности русских приостановился лишь в 1970-х годах, а в последние два десятилетия их абсолютная численность и доля в составе населения Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана стабильно сокращались. Это было связано прежде всего с высокой рождаемостью в среде «титульного» населения, усилившейся миграцией его в города из сельской местности, оттока русскоязычного населения за пределы Средней Азии.

Социально-профессиональная дифференциация населения этого региона, как отметил В.А. Тишков, проходила по «этническим границам»¹⁵. Местное население занимало традиционную нишу аграрной экономики. Кроме того, оно освоило сферы управления, просвещения и здравоохранения, законодательства, а в последнее время и торгово-коммерческую сферу, легкую промышленность и сервис. Русские и в 1990-е годы составляли большую часть работников тяжелой промышленности и производственно-технической интеллигенции. Таким образом, еще в дореформенный период этнический фактор в трудовой сфере имел конфликтогенные черты, а «проблема русских» носила латентный характер.

Усиление в ряде государств Средней Азии мусульманских позиций, в том числе в воспитании, бытовой культуре, искусстве, стало осложнять жизнь и деятельность русской творческой интеллигенции. Начались трудности при решении проблем трудовой занятости русской молодежи, ее образовательной и профессиональной подготовки.

Особенно болезненно отразились на самоощущении местного русского населения сокращение применения русского языка в культуре и средствах массовой информации. Однако озабоченность падением статуса русского языка и культуры отнюдь не означала нежелания русских Средней Азии осваивать языки титульных наций, тем более, что незнание их зачастую вело к понижению социального статуса и трудностям в культурно-бытовой адаптации.

Несмотря на интенсивные межэтнические контакты и высокую степень русификации, русское и титульное население этого региона сохраняли между собой значительную культурную дистанцию и в целом представляли достаточно изолированные друг от друга общины. Смешанные браки между русскими и представителями титульных национальностей были относительно редким явлением.

Бурный рост национализма, осложненного внутренними кланово-региональными противоречиями, резко обострил межэтнические отношения в государствах Средней Азии и в Казахстане. Даже после обретения государственной независимости ухудшающаяся экономическая ситуация и политическая нестабильность чаще всего связывались с наследием тоталитарного прошлого и действиями России, что продолжало питать антирусские настроения.

Существование конфликтогенной ситуации вокруг русской общины в государствах Средней Азии и Казахстане подтвердили и итоги этносоциологического исследования. В сложившейся ситуации русские чувствовали себя беззащитными и в целях повышения статуса местного населения нетитульной национальности считали необходимым введение двойного гражданства.

На изменение своего социально-культурного и политического статуса русское население бывших республик Средней Азии и Казахстана отреагировало попытками создания движений гражданской и демократической направленности, национальных организаций. Однако слабая в целом политическая активность русских в этом регионе во многом стала следствием того, что большинство из них утратило надежду на благоприятные перспективы дальнейшего пребывания здесь, в их среде преобладали эмигрантские настроения, за исключением русских Казахстана. Покидали Среднюю Азию наиболее активные люди трудоспособного возраста, молодежь, получившая специальность и испытывавшая трудности с получением работы. Нарушились естественные пропорции между возрастными группами русского населения, увеличилась доля старшего поколения, сократилась рождаемость, уменьшился интеллектуальный потенциал.

О.И. Брусина и Д.А. Митина, анализируя проблемы современного Казахстана, связанные с этническим фактором¹⁶, отметили, что вся история длительного и поэтапного вхождения казахских земель в состав России, как и события советского времени, могут трактоваться неоднозначно, что позволяло самым различным национально-политическим силам выдвигать разнообразную аргументацию в пользу той или иной позиции по национальным и территориальным вопросам.

Этнический состав Казахстана слишком сложен, чтобы правительство страны могло рассчитывать «на сплочение общества вокруг каких-либо идей в национальном духе» (ни одна группа не составляет значительного большинства: так, по переписи 1989 г., казахи составляют 39,7%, русские – 37,8%, немцы – 5,8%, украинцы – 5,5%, другие – не более 2% каждая)¹⁷.

Долгие годы относительно высокая урбанизированность и лучшая профессиональная подготовка обеспечивали русскому населению в среднем более «цивилизованный» уровень жизни, с точки зрения доступности материальных благ и заработка, чем казахам, сравнительно поздно включенным в процессы урбанизации. С другой стороны, казахи занимали большинство ключевых постов в системе политического управления – в центре и в местных административных органах, что позволяло представителям некоренного населения утверждать, что его вес в экономике не соответствует политическому.

Другое обстоятельство, отчасти связанное со сложившимся разделением труда и способное в условиях роста этнического противостояния стать серьезным аргументом славянской группы при отстаивании своих интересов и даже при выдвигании сепаратистских требований – это региональные различия. Наиболее развитыми в промышленном отношении районами являются семь «русскоговорящих» областей, в которых сосредоточено производство основной доли национального продукта, экономически всегда традиционно связанные с Россией, особенно с прилегающими к Казахстану промышленными районами.

Социальная структура населения административных центров Казахстана, по оценке исследователей, была потенциально взрывоопасна именно в плане межнациональных отношений. Большая часть казахского населения городов – это, с одной стороны, малоквалифицированные рабочие и студенты, а с другой – работники госаппарата и национальная интеллигенция. Казахская молодежь, приехавшая в города, оказывалась в непростой по сравнению с горожанами-неказахами экономической ситуации. Психологический дискомфорт усугублялся нехваткой жилья и преобладанием в городе русской языковой среды даже среди казахов. 1990–1991 гг. были отмечены многочисленными бытовыми конфликтами на этнической почве. Националистические выступления в Казахстане были характерны в основном для крупных городов, а также для пограничных районов, где наблюдалось обострение отношений между казахами и казачеством – конфликт, уходящий корнями в досоветские времена и связанный с претензиями на земельную собственность.

Руководство Казахстана проявило большую лояльность в отношении националистических казахских группировок, законодательно воплотив отдельные их лозунги и идеи. Был издан ряд законов (о государственном языке, государственном суверенитете), крайне непопулярных у неказахского населения, в которых давались приоритетные права казахской нации и языку. Важнейшие статьи нового законодательства, касавшиеся национального вопроса, звучат весьма двусмысленно. Так, преамбула Конституции начинается словами: «Мы, народ Казахстана», а в первой статье говорится, что «Казахстан – форма самоопределения казахской нации». За русским языком закреплён статус языка межнационального общения, в то время как казахский объявлен государственным и разработана программа постепенного перевода на этот язык всего делопроизводства. В Конституции, впрочем, зафиксировано, что ограничивать чьи-либо права из-за незнания казахского или русского языков запрещено.

По прогнозам Д.А. Митиной, очевидным представлялось развитие в республике тенденции к росту одностороннего двуязычия: в 1989 г. лишь 0,5% русских свободно владели казахским языком (в основном жители сельских районов с преобладающим казахским населением). Казахи же в большинстве случаев демонстрировали казахско-русское двуязычие: на свободное владение русским языком в 1989 г. указало 64,1% казахского населения, хотя подавляющее большинство – 98,5% казахов назвали родным казахский язык¹⁸. В сегодняшнем Казахстане действие Закона о языках практически закрывает доступ неказахскому населению в высшие учебные заведения, государственные учреждения и влечет за собой формальную и фактическую дискриминацию неказахского населения.

Анализируя причины миграции русских из Казахстана, Д.А. Митина констатировала, что на первом месте стоит глубочайший экономический кризис. Данные по возрастной структуре эмигрантов свидетельствовали о том, что республику покидали наиболее трудоспособные граждане. Отвечая на вопрос о мотивах отъезда, лишь 7% респондентов указали на проявления национальной неприязни¹⁹.

Распад СССР, углубление экономического кризиса, ограничение политических прав нетитульных этносов – все это влияло на миграционную ситуацию в 1992–1994 гг. Однако обвальная эмиграция в Россию наблюдалась только в городах, где были сосредоточены большие союзные предприятия ВПК, т.е. происходил не просто активный отток населения, а массовый выезд специалистов. В конце 1994 – начале 1995 г. центристские круги в государственном аппарате, поддержанные директорским корпусом крупных предприятий и частью городской казахской интеллигенции, получившей образование в российских вузах, предприняли ряд мер с целью уменьшения оттока населения из республики.

Миграционный процесс в Казахстане наглядно продемонстрировал тенденцию прогрессирующей «национализации» республики. В значительной степени этому способствовал принятый в июне 1992 г. Закон Республики Казахстан «Об иммиграции», закрепивший приоритет казахов в заполнении иммиграционной квоты и в пользовании системой льгот при обустройстве на новом месте проживания.

Для казахов затруднено также воссоединение семей, поскольку на практике механизм принятия гражданства в республике не был разработан. Согласно ведомственным инструкциям, «членами семьи» признавались только супруги и их несовершеннолетние дети. Двойное гражданство, согласно принятой в 1993 г. Конституции, было предусмотрено только для лиц титульной национальности. Ограничительная политика в отношении казацкого населения проявилась и в отказе регистрировать некоторые организации, выступавшие в защиту русскоязычного населения.

Политическая пассивность большей части русского населения восполнялась активностью казачьего движения. Идеи последнего хотя и рассматривались многими представителями русской диаспоры как весьма амбициозные и даже провокационные, тем не менее вызвали сочувствие среди казахстанских русских. По политическим воззрениям к казачеству примыкали различные организации с этнической окраской – славянские движения и культурные общества.

В политике казахстанского руководства прослеживалась и другая стратегия по укреплению государственности – это стремление изменить сложившуюся территориальную расстановку общественных сил, увеличивая за счет казахов-переселенцев долю «титульного» населения в северных областях. Однако этническая идея, которая была положена в основу суверенизации государства, не сможет долго прослужить основой для политического и социального развития Казахстана.

Примечания

¹ *Малькова В.К.* Проблемы русской диаспоры в ближнем российском зарубежье (по материалам прессы) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. №36. М., 1993.

² *Тишков В.А.* Русские как меньшинства (пример Эстонии) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. №52. М., 1993. С. 5.

³ Там же. С. 18.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ *Григорьева Р.А., Мартынова М.Ю.* Этнокультурная ситуация в Беларуси: история, язык, политика // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. №60. М., 1994.

⁶ Там же. С. 11.

⁷ Там же. С. 19.

⁸ *Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Русские в Молдавии: проблемы занятости и миграции // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. №98. М., 1996. С. 38.

⁹ Там же. С. 4–5.

¹⁰ Там же. С. 8.

¹¹ Там же. С. 6–7.

¹² Там же. С. 13–14.

¹³ Там же. С. 14.

¹⁴ *Тишков В.А.* Русские в Средней Азии и Казахстане // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. №51. М., 1993. С. 4.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Этнический фактор в современном социально-политическом развитии Казахстана // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. №94. М., 1996.

¹⁷ Там же. С. 7.

¹⁸ Там же. С. 17.

¹⁹ Там же. С. 20.